
С.В. Смирнов

«ДОМИНИРУЮЩИЙ ЭТНОКЛАСС»
В ГОСУДАРСТВЕ СЕЛЕВКИДОВ ПРИ СЕЛЕВКЕ I
И АНТИОХЕ I: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В статье рассматривается социальный аспект формирования эллинистической монархии Селевкидов. В качестве модели автором была воспринята концепция «доминирующего этнокласса» П. Бриана. Представители греко-македонского этнокласса, сформировавшегося в правление первых двух царей династии Селевкидов, занимали все ключевые посты в армии, сатрапиях и при дворе. Анализ различных источников показал, что уже с середины III в. до н. э. верхушка «доминирующего этнокласса», состоящая из представителей высшего чиновничества, полководцев и придворных, находилась в тесных взаимоотношениях с локальной аристократией, что вело к постепенной интеграции представителей местных элит в «доминирующий этнокласс». Между тем низы — главным образом жители колоний — еще достаточно продолжительное время сохраняли сегрегацию. Характерной особенностью периода правления Селевка I и Антиоха I является неизбежное привлечение местной знати к управлению государством, но при этом сохранение определенной дистанции между представителями «доминирующего этнокласса» и локальными элитами.

Ключевые слова: «доминирующий этнокласс», Селевкиды, Селевк I, Антиох I, эллинизм

Abstract: The main subject of the paper is a social aspect of the formation of the Seleucid kingdom. In the capacity of the social pattern author adopts a P. Briant's concept of 'dominant ethno-class'. The representatives of this class hold the key points in army, satrapies and court. Analyzing the different sources author concludes that the high stratum of 'dominant ethno-class' (high officials, generals and courtiers) was contacting with local elites. This process has an integration of local aristocracy into the Greco-Macedonian 'dominant ethno-class' as a result. Meanwhile the low stratum (essentially habitants of military colonies) keeps segregation for a long time. The significant feature of Seleucus' I

and Antiochus' I period was an obligatory involvement of local elites for administration but from other hand the keeping of the great distance between 'dominant ethno-class' and indigenous.

Key words: "dominant ethno-class", Seleucids, Seleucus I, Antiochus I, Hellenism

Социальный аспект формирования эллинистических монархий оставался и остается наиболее плохо изученной стороной эллинистической государственности. В отличие от политической истории, а также экономики, государственных институтов и колонизации, проблемы эллинистического общества стали для многих исследователей по сути второстепенными и возникают только в общем контексте перечисленных аспектов. Этому можно дать вполне резонное объяснение: состояние наших источников не позволяет выстроить более или менее четкой картины эллинистического общества. Между тем, целенаправленное исследование социальной структуры эллинистических монархий, особенно в период формирования эллинистической государственности, позволяет по-иному взглянуть на некоторые политические процессы, происходившие в Восточном Средиземноморье в конце IV — начале III веков до н. э.

Еще в 70-е гг. XX в. французский исследователь П. Бриан выдвинул концепцию «доминирующего этнокласса» в качестве социальной модели для ближневосточных обществ второй половины I тысячелетия до н. э., в частности державы Ахеменидов. Смысл этой теории заключается в том, что государство Ахеменидов строилось на принципе господства персидского этнокласса над покоренным населением. Этнокласс — это социальная категория, принадлежность к которой определяется по национальному принципу. Представители доминирующего этнокласса занимают все руководящие посты в армии, сатрапиях и при дворе. В ахеменидской державе это были персы и мидийцы, которые находились на привилегированном положении. При этом, по мнению П. Бриана, при всей своей независимости и гегемонии, «доминирующий этнокласс» испытывает сильное влияние локальной традиции, что приводит к интеграции в него местных элит, к обоюдной аккультурации¹.

¹ О концепции «доминирующего этнокласса» см.: *Briant P. Colonisation hellénistique et population indigènes I* // *Klio*. 1978. Bd. 60. P. 57–92; *idem. Les iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire Achéménide* // *DHA*. T. 1985. P. 167–195; *idem. Pouvoir central et polycentrisme culturel dans l'empire Achéménide* // *Achaemenid Studies I* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1987. P. 1–31; *idem. Ethno-classe*

Важно отметить, что концепции П. Бриана предшествовала другая модель, автором которой был Х. Хабихт, еще в 1957 г. предложивший теорию «господствующего общества» (*die Herrschende Gesellschaft*). Хабихт полагал, что туземный элемент минимально участвовал в управлении эллинистическими государствами (при этом исследователь не отрицал его существования)². Идеи Х. Хабихта впоследствии были пересмотрены некоторыми немецкими исследователями, в частности, совсем недавно А. Мелем, который признал сильное влияние местных элит, однако в целом минимизировал роль «господствующего общества» в системе отношений между царской властью и подданными³. Однако главным минусом подхода Х. Хабихта и А. Меля является, на наш взгляд, то обстоятельство, что в данном случае оба исследователя не принимают во внимание идею широкой преемственности между государствами Ближнего Востока I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Они рассматривают общество в эллинистических государствах (в том числе и восточно-эллинистических) скорее как изолированный в эволюционном отношении институт. Как кажется, именно это не позволило выстроить Хабихту и Мелю более или менее четкой модели эллинистического общества. Отметим, что «господствующее общество» Хабихта-Меля можно представить лишь как часть «доминирующего этнокласса».

В историографии концепция П. Бриана не получила заслуженного развития. Тем не менее, применение этой модели к селевкидскому материалу кажется вполне обоснованным, несмотря на то, что изначально она разрабатывалась сугубо в ахеменидском контексте. В последнее время небезосновательно принято подчеркивать структурную близость практически всех государственных образований Ближнего Востока второй половины I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э., т. е. от Ахеменидов до Сасанидов. Действительно, можно обнаружить чрезвычайно много общих

dominante et population sommées dans l'empire Achéménide: le cas de l'Égypte // *Achaemenid Studies III* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1988. P. 138–173; *idem*. De Samarkand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens // *TOPOI*. 1994. Vol. 4/2. P. 455–467.

² *Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // *VSWG*. 1958. Bd. 45. S. 1–16.

³ *Mehl A.* Gedanken zur “herrschenden Gesellschaft” und zu den Untertanen im Seleukidenreich // *Historia*. 2003. Bd. Ht. 2. S. 147–160. См. русский перевод этой работы, который, по сути, является ее дополнением: *Мель А.* Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas Aeterna*. 2005. С. 73–85.

черт в системе политических, экономических и особенно социальных институтов между державами Ахеменидов, Александра Великого, Антигона Одноглазого, Селевкидов, Аршакидов и Сасанидов. Однако наиболее важным, на наш взгляд, является фундаментальный для всех принцип государственности, основанный на системе подчинения центральной власти местных элит. Совсем недавно этой проблеме отдельную статью посвятил Д. Энгельс. Придерживаясь в целом концепции П. Бриана, он развил идею о так называемой «феодализации» ближневосточных обществ, для которых власть монарха и локальная власть династа, полиса, храма или общины состояли в некоем союзе, своеобразной унии, что в целом и формировало государственность и у Ахеменидов, и у Селевкидов, и у Сасанидов. Рассуждая об упадке державы Селевкидов, автор представил весьма оригинальный взгляд на эту проблему, связав его с процессом «феодализации», который был характерен для ближневосточных империй начиная с державы Ахеменидов (а возможно, что и раньше) и вплоть до Сасанидов. В данном случае под «феодализмом» Д. Энгельс предлагает понимать институциональную модель, состоящую из двух главных компонентов: центральной власти, которая имеет только ограниченные возможности контроля и влияния на местную администрацию, зачастую превратившуюся в наследственную и практически независимую, и сельское население, которое постепенно становится буквальной собственностью местных землевладельцев⁴.

Теория Д. Энгельса хорошо согласуется с концепцией «непрямого господства» (*Indirekte Herrschaft*) М. Зоммера, которая базируется именно на идее управления посредством влияния на местные элиты⁵. Таким образом, структуру восточноэллинистической государственности можно представить как формулу царь/элиты/подданные. Хорошо иллюстрирует эту концепцию пример эллинистических эпистатов и прочих царских функционеров (например, в Вавилонии), которые были уроженцами того полиса или общины, в которой представляли интересы царя⁶.

⁴ *Engels D. Middle Eastern 'Feudalism' and Seleucid Dissolution // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 20.*

⁵ *Sommer M. Babylonien im Seleukidenreich: Indirekte Herrschaft und indigene Bevölkerung // Klio. 2000. Bd. 82. 1. S. 73–90.*

⁶ В общих чертах об этом см.: *Смирнов С.В., Юрин А.И. Эпистаты в государствах Антигонидов и Селевкидов // ПИФК. 2012. №4. С. 204–213.*

Итак, учитывая все представленные теории, обратимся к проблеме взаимоотношений элит и доминирующего этнокласса. При этом основное внимание все же сосредоточим на раннеселевкидском материале, чтобы выявить некоторые общие аспекты появления доминирующего этнокласса у Селевкидов в период формирования государства.

«Этнокласс» – понятие весьма широкое и требует некоторого уточнения. На стадии формирования государства Селевкидов в нем можно выделить три прослойки. Во-первых, верхушка из представителей царского окружения (семья, двор, «друзья»), которая называется «придворным обществом»⁷; во-вторых, круг высших региональных чиновников (военных, административных, финансовых; т. е. сюда относятся и сатрап, и стратег, и диоикет, а также чиновники более низкого уровня: эконо́м, логовт, хреофилак и т. д.); в-третьих, прослойка греко-македонского населения военных колоний и полисов. Первые два уровня в целом совпадают с «господствующим обществом» Хабихта-Мея.

Естественно, что после падения державы Ахеменидов старый персидский этно-класс перестал занимать доминирующее положение, и ему на смену пришел новый — греко-македонский. Однако сложно представить, что могущественные иранские фамилии в одночасье потеряли свое влияние. Как показывают исследования П. Бриана, некоторые крупные семьи иранского происхождения, например, в Малой Азии, могли сохранять свое экономическое и политическое влияние на протяжении эллинистического и даже римского времени⁸. Каким же образом им удалось поддерживать свой статус и авторитет в условиях греко-македонского господства? По всей видимости, благодаря интеграции части местной аристократии в греко-македонский доминирующий этнокласс. Этот процесс, безусловно, занимавший важнейшее место в жизни негреческих элит в государствах эллинистического Востока, был достаточно сложным и продолжительным явлением. Его завершение (в самых общих чертах) можно отнести только ко второй половине III в. до н. э.

Верхушка доминирующего этнокласса с первых дней существования государства Селевкидов сразу же вступает в контакт с локальной знатью. Необходимость союза с местной аристократией была, по сути, залогом существования государства Селевкидов. Это пре-

⁷ *Herman G.* The Court Society of the Hellenistic Age // *Hellenistic Constructs* / Ed. by P. Cartledge, P. Garnsey, E. Gruen. Berkley; Los Angeles; London, 1997. P. 199–224.

⁸ *Briant P.* Les iraniens d'Asie Mineure. P. 167–195.

красно осознавали первые два монарха, которые старались всячески сохранить и поддержать этот союз. Древние авторы также подчеркивали важность и необходимость союза с народами востока. Так, Аппиан пишет (Сыг. 55), что во время покорения Бактрии Селевк использовал не столько военные методы, сколько переговоры и подарки. Диодор, объясняя причины (XIX. 48. 1), по которым Антигон Одноглазый не смог сместить сатрапа Бактрии Стасанора и сатрапа Кармании Глеполема, уточняет, что оба они находились в хороших отношениях с местным населением. Мы знаем о многочисленных актах эвергетизма со стороны Селевка и Антиоха в отношении храмовых (Вавилония — ВСНР 5; 6; 7; 8. Малая Азия — RC 5; 9) и полисных (IDidyma 480; 481) элит.

Разумеется, как Селевк, так и Антиох привлекали локальную знать к управлению государством. Однако это не означало всесторонней интеграции туземной аристократии в «доминирующий этнокласс» на данном этапе отношений: скорее наоборот, местные элиты навязывали Селевкидам свои правила, подтверждение чего мы обнаруживаем в довольно любезной и мягкой политике уступок Селевка I и Антиоха I. В целом этническая пестрота государства Селевка привела к установлению определенного типа взаимоотношений с местными негреческими элитами, согласно которому законность власти царя Селевка должна была соответствовать местной традиции легитимизации власти. В данном случае уместно упомянуть о концепции С. Шервин-Уайт и Дж. Ма относительно “ethno-power games”⁹. Согласно этой теории, центральная власть как бы соблюдает правила игры, выдвигаемые местной политической традицией: именно на этом строятся и все взаимоотношения между политическим центром и политической периферией государства Селевка. Такой тип отношений Селевк унаследовал от Ахеменидов. В связи с тем, что Ахемениды использовали исторически сложившиеся политические институты каждого региона, П. Бриан предлагает даже различать локальную власть и государственный (ахеменидский) контроль¹⁰.

Первые Селевкиды строго следовали данной схеме. Хорошим примером является известный «цилиндр Антиоха»¹¹. Из текста

⁹ См.: *Ma J. Kings // A Companion to the Hellenistic World / Ed. by A. Erskine. Oxford, 2005. P. 186–191.*

¹⁰ *Briant P. Pouvoir central et polycentrisme culturel. P. 2–3.*

¹¹ BM 36277. См.: *Sherwin-White S. Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa // JHS. 1991. Vol. P. 71–86; а также комментарии Р. ван дер Шпека и И. Финкеля на www.livius.org.*

становится ясно, что царь Антиох I носил древние вавилонские и персидские титулы: «могущественный царь», «царь Вавилона», «царь стран». Судя по материалам астрономических дневников и хроник, Антиох I и последующие Селевкиды принимали участие в некоторых вавилонских ритуалах (ВСНР 5; 6; 12; 13). Заимствование Антиохом I в качестве монетного сюжета Аполлона, сидящего на омфале, также отсылает нас к восточной традиции. Последние исследования изображений на монетах Антиоха I показали, что Селевкидский Аполлон имел устойчивую связь и с иранским Митрой, и с вавилонским Набу¹². В целом наличие весомого «ориенталистического» элемента в идеологии первых Селевкидов может быть адекватно объяснено именно исходя из теории “ethno-power games”.

Тем не менее, как уже было отмечено, союз с местными элитами на данном этапе вовсе не означал их непосредственную интеграцию в доминирующий этнокласс. Мы практически не встречаем представителей туземной аристократии в числе «друзей» царя. Случай с Комбабом, который, по сообщению Лукиана (de Syr. 19–27), был царским другом, – весьма спорный. Даже если Комбаб имел реального исторического прототипа, это отнюдь не означало повсеместной практики интеграции локальной знати в придворное пространство. Ситуация с греком Демодамом, уроженцем Милета, более сложная. Разумеется, как и Комбаба, Демодама можно отнести к представителям местных элит, однако этническое происхождение Демодама, видимо, имело здесь все-таки принципиальное значение.

Если же в целом проанализировать национальный состав «друзей» первых Селевкидов, то можно убедиться, что подавляющее большинство их было македонянами или греками. Но сам принцип подбора «друзей» представляется нам все же более сложным, чем простое привлечение на службу представителей македонской и греческой знати. При безусловной важности национальной принадлежности, большее значение имели личные качества «друга» царя и его административный потенциал: связи, политический авторитет, влияние родственников и т. д. Тот факт, что среди «друзей» первых Селевкидов практически нет выходцев из туземной знати, объясняется скорее чрезвычайной ролью войска в раннеэллинистический период, где первейший авторитет имели македоняне.

¹² *Erickson K.* Apollo-Nabu: the Babylonian Policy of Antiochus I // *Seleucid Dissolution*. P. 51–66.

Возможно предположить, что первоначально «друзья» подбирались по принципу максимальной полезности для молодого государства независимо от своего происхождения. Видимо, так в число царских «друзей» попал и Ларих, сын Лаомедонта, первого сатрапа Сирии. Связи его отца с местной знатью, которыми обладал Ларих, были важны для Селевка и Антиоха. Более того, политическое влияние «друзей» на Селевка I и Антиоха I, их роль в решении и даже обсуждении главных государственных вопросов, также была весьма незначительна по сравнению с более поздним периодом, например, временем Антиоха III. И тут нет разницы между так называемыми «сильными» и «слабыми» правителями¹³. К примеру, проявлением максимального влияния на политику Селевка I со стороны его «друзей» является совет Патрокла начать активные боевые действия против Деметрия Полиоркета, наступавшего на Сирию (*Plut. Dem.* 47). В то время как при, казалось бы, «сильном» Антиохе III Гермий и Зевксид, а при Селевке IV Гелиодор определяли приоритеты, в том числе, внешней политики¹⁴, а при «слабых» — более поздних Селевкидах — «друзья» уже полностью управляли государством. Разумеется, «друзья» Селевка и Антиоха играли важнейшую роль в процессе формирования державы Селевкидов: они выполняли важнейшие дипломатические миссии, участвовали в крупнейших сражениях, некоторые из них управляли сатрапиями. И в этом смысле нельзя недооценить роль «друзей» царя. Однако говорить о том, что кто-то из них мог оспорить решение царя или просто высказать ему свои замечания, весьма спорно. Повествование Аппиана (*Sug.* 61), передающее известную речь Селевка, подтверждает это.

В целом уже широкомасштабный процесс интеграции локальной знати в «доминирующий этнокласс» можно считать явлением более поздним. С середины III в. до н. э. в число царских друзей входят негреки. Местные элиты, для того чтобы стать частью этнокласса, начинают впитывать греческую культуру, учить греческий язык, даже принимают греческие имена (Гелиодор, Ясон и Менелай – в Иудее), либо сохраняют двойные имена (Ану-убаллит / Никарх, Ану-убаллит / Кефалон – в Вавилонии)¹⁵.

¹³ См. противоположную точку зрения: *Dreyer B.* How to Become a “Relative” of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // *AJPh.* Vol. 132. 2011. P. 45–57.

¹⁴ О борьбе при дворе Антиоха III и участии в ней царя см.: *Ramsey G.* Seleucid Administration –Effectiveness and Dysfunction Among Officials // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 37–50.

¹⁵ Как полагают Т. Бойи и П. Миттаг, принятие греческого имени в эллинистическом Уруке определяло принадлежность к элите. См. случай с семьей Ану-убаллита /

Схожая ситуация сложилась и с царской семьей. Брак Селевка и Апамы, казалось бы, предопределил слияние элит македонских и элит иранских. Однако при том, что союз Селевка и Апамы всегда использовался как мощное идеологическое оружие, македонская линия сохранялась надежно. Опять же до середины III в. до н. э. все мужские имена в царской фамилии — греческие, а после изредка встречаются иранские, например Апам (мужская форма женского имени Апама)¹⁶, Митридат.¹⁷

Высшие государственные должности в провинциях также занимали греки и македоняне. В период правления Селевка I и Антиоха I мы не встречаем ни одного негрека, который занимал бы должность сатрапа или стратега. Исключение составляет лишь отец Роксаны Оксиарт, назначенный сатрапом Паропамисад еще до Селевка. Тем не менее это не означало, что высшая региональная администрация дистанцировалась от местных элит. Наоборот, сотрудничество с ними было обязательным¹⁸. Политическая структура государства Селевка I и Антиоха I строилась с учетом локальных политических традиций каждого региона. По сути, сохранялись и многочисленные традиционные общественно-политические институты, существовавшие здесь столетиями. Разумеется, ведущую роль в них играли представители местных элит, которые обладали большим авторитетом среди местного населения. Сохранение этих элит, удержание их у власти, стало обязательным.

Возможно, удержание верховной власти в руках греко-македонян и особенно представителей царской семьи могло обезопасить власть Селевкидов. Тем не менее, значительная часть средних и подавляющее большинство мелких чиновников все же оставались негреками. В частных контрактах из Вавилона и Урука мы обнаруживаем большое число разнообразных чиновников, в том числе и довольно высокопоставленных, как *raqu* или *šaknu*, которые носили негреческие имена¹⁹. Таким

Кефалона. См.: *Boiy T., Mittag P.F. Die lokalen Eliten in Babylonien // Lokale Eliten und hellenistische Könige / Hrsg. von B. Dreyer, P.F. Mittag. Berlin, 2011. S. 123.*

¹⁶ Отметим, что в данном случае речь может идти не о мужском имени, а о женском ввиду ошибки писца, ошибочно поставившего мужской детерминатив (см. в статье А.С. Балахванцева в данном издании).

¹⁷ *Muccioli F. Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi // New Studies on the Seleucids / Ed. by E. Dąbrowa. Electrum. Vol. 18. Kraków, 2011. P. 81–96.*

¹⁸ См. материал из Вавилонии: *Boiy T., Mittag P.F. Die lokalen Eliten in Babylonien. S. 106–131.*

¹⁹ О политических важнейших институтах в эллинистическом Вавилоне см.: *Boiy T. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, 2004.*

образом, центральная власть в государстве была представлена греками и македонянами, а региональная на среднем и низшем уровнях — выходцами из туземной знати.

В 295 г. до н. э. Антиох был объявлен соправителем своего отца Селевка I и царем всех «верхних сатрапий». Примерно к 290 г. он достиг Бактрии, где провел ряд важных мероприятий, в том числе, организацию полисной системы, монетной чеканки и ликвидацию последствий вторжения кочевников. Как кажется, все это не имело бы никакого смысла, если бы Антиох не имел поддержки местных элит. И в данном случае ее ему могло обеспечить происхождение, т. к. Антиох был внуком Спитамена Бактрийского. Однако в данном случае связь царевича с местной аристократией была использована точно, для решения конкретных проблем.

Как отметил П. Бриан, формирование нового (греко-македонского) «доминирующего этнокласса» проходило параллельно процессу колонизации. Активная колонизационная политика первых двух Селевкидов создавала прекрасные условия для быстрого формирования этнокласса, ведь по большому счету именно греки и македоняне, жившие в военных колониях и полисах, были его основой. Конечно же, несмотря на общее социальное положение большей массы населения, от туземного населения их отличало то, что все они жили, так сказать, «на правах победителей». Как следствие, греки и македоняне находились на более привилегированном уровне с правовой точки зрения. В документе из Урука, датирующемся 300–285 гг. до н. э. (SATHSM 1), некий гарант сделки при продаже раба обязан подтвердить, что раб не состоит в царской кавалерии, колесничих или на иной службе. Безусловно, на службе в царской армии мог состоять не только грек или македонянин, однако, учитывая время появления документа и вероятность прецедентов, можно предположить, что речь идет именно о солдатах гарнизона македонского или греческого происхождения²⁰.

Социальное разделение первоначально соответствовало этническому. Сегрегация — один из принципов формирования нового городского пространства²¹. Греко-македонский костяк колонистов обособлялся от местного населения, что в принципе было естественным и,

²⁰ Ср. документ 297 г. до н. э., приведенный Г.Х. Саркисян. См. *Саркисян Г.Х.* Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 139–142.

²¹ *Briant P.* Colonisation hellénistique I. P. 88–89.

как кажется, поддерживалось государством. П. Бриан называет такое обособление одним из условий рождения греко-македонского «доминирующего этнокласса»²². По сути процесс селевкидской колонизации представлял собой создание плотной сети военных колоний, расположенных в приграничных зонах, нестабильных (с политической точки зрения) регионах и на крупных торговых путях. Полисная колонизация практически отсутствовала при Селевке I, а при Антиохе I была сосредоточена, главным образом, в Бактрии. Такой выбор в пользу военной колонии, как основного средства колонизации, понятен: отношения между монархией и полисом базировались на принципах союза, а не подчинения и не всегда выстраивались ровно, в то время как военная колония, которая хоть и является, так сказать, полисом в миниатюре, однако полностью подчинялась центральной администрации.

На материале двух «классических» военных колоний, по сути, близнецов – Дура-Эвропос и Джебель Халида – видно, что топография колонии была очень строгой. Изначально это был «закрытый мир»: македоняне жили компактно, при этом были отделены от местного населения стенами крепости. Возможно, контакты между местными и греками были минимизированы. Это, в частности подтверждается, и анализом керамики²³. Привилегированность колонистов очевидна. Каждый из них имел клер, что обеспечивало определенную финансовую стабильность, а также имел возможность участвовать во внутренней жизни колонии, занимая какую-нибудь административную должность. Социальная верхушка колонии, состоявшая из представителей командующего состава, жила богато. Однако уже ко II в. до н. э. под крепостными стенами возникает опоясывающее колонию поселение, заселенное, главным образом, местным населением. Используя выгодное расположение колонии (Дура-Эвропос и Джебель Халиб располагались на крупном торго-

²² «С территориальной сегрегацией были связаны социально-экономическое доминирование и политическая монополия. Отношение господствующий/подчиненный здесь смешиваются с отношением греки/местные и даже, по большей части, с отношением город/деревня. Иными словами, города и поселения, в общем, представляют фундаментальный элемент новых классовых отношений, которые подразумевают завоевание и греко-македонскую колонизацию: это рождение доминирующего *этно-класса*». (*Briant P. Colonisation hellénistique I. P. 92*).

²³ О последних раскопках в Дура-Эвропосе см.: *Leriché P. Eurtopos-Dura Séleucide // New Studies on the Seleucids. P. 23–40*; о Джебель Халиде см.: *Wright N.L. The Last Days of a Seleucid City: Jebel Khalid on the Euphrates and its Temple // Seleucid Dissolution. P. 117–132*; *Jackson H. A Late Seleucid Housing Insula at Jebel Khalid in North Syria: Archaeological Evidence for Chronology and Lifestyle // Ibid. P. 133–148*.

вом пути), местные жители стали вести активную торговлю с проезжими купцами и солдатами гарнизона. В результате к сер. II в. до н. э. многие колонии разрослись и получили статус полиса.

Таким образом, использование некоторых положений концепции «доминирующего этнокласса» П. Бриана на раннеселевкидском материале приводит к следующим выводам. Процесс формирования государства Селевкидов изначально предопределил инкорпорирование локальных элит не только в политическое пространство державы, но в некоторой степени и в доминирующий этнокласс. При первых двух Селевкидах мы наблюдаем постоянные и довольно решительные контакты центральной власти с местными элитами, в каком-то смысле даже «заигрывание» с туземной аристократией. Расположение локальной знати к династии было для Селевкидов необходимым залогом стабильности их власти. Внешне процесс интеграции представителей туземной знати в доминирующий этнокласс, получивший широкое распространение уже в более поздний период (начиная с середины III в. до н. э.), может показаться частью целенаправленной и планомерной политики, проводимой «сверху». Однако в данном случае мы имеем дело скорее с более «естественным» процессом, связанным, с одной стороны, с распределением властных полномочий внутри каждого конкретного региона, а с другой — с сохранением этой власти некоторыми группами национальной аристократии.

В правление первых царей династии Селевкидов этот процесс только зарождался, поэтому социальная дистанция между новым греко-македонским «доминирующим этноклассом» и старыми элитами сохранялась, хотя стоит признать, что наличие представителей туземного населения среди мелкого чиновничества в регионах характерно и для начального периода истории государства Селевкидов. Нижний же слой «доминирующего этнокласса» (жители колоний) еще долгое время сохраняет самоидентичность, пытаясь удержать экономическое и социальное преимущество в своих руках.

Литература

- Мель А.* Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas Aeterna*. 2005. С. 73–85.
- Саркисян Г.Х.* Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // *ВДИ*. 1955. № 4. С. 139–142.

- Смирнов С.В., Юрин А.И.* Эпистаты в государствах Антигонидов и Селевкидов // ПИФК. 2012. №4. С. 204–213.
- Boiy T.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, 2004.
- Boiy T., Mittag P.F.* Die lokalen Eliten in Babylonien // Lokale Eliten und hellenistische Könige / Hrsg. von B. Dreyer, P.F. Mittag. Berlin, 2011. S. 105–131.
- Briant P.* Colonisation hellénistique et population indigènes I // *Klio*. 1978. 60. P. 57–92.
- Briant P.* Les iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire Achéménide // *DHA*. 1985. P. 167–195.
- Briant P.* Pouvoir central et polycentrisme culturel dans l'empire Acheménide // *Achaemenid Studies I* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1987. P. 1–31.
- Briant P.* Ethno-classe dominante et population soumise dans l'empire Acheménide: le cas de l'Égypte // *Achaemenid Studies III* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1988. P. 138–173.
- Briant P.* De Samarkand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens // *TOPOI*. 1994. Vol. 4/2. P. 455–467.
- Dreyer B.* How to Become a “Relative” of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // *AJPh*. Vol. 132. 2011. P. 45–57.
- Engels D.* Middle Eastern ‘Feudalism’ and Seleucid Dissolution // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 19–36.
- Erickson K.* Apollo-Nabu: the Babylonian Policy of Antiochus I // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 51–66.
- Jackson H.* A Late Seleucid Housing Insula at Jebel Khalid in North Syria: Archaeological Evidence for Chronology and Lifestyle // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 133–148.
- Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // *VSWG*. 1958. 45. S. 1–16.
- Herman G.* The Court Society of the Hellenistic Age // *Hellenistic Constructs* / Ed. by P. Cartledge, P. Garnsey, E. Gruen. Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 199–224.
- Leriche P.* Eurropos-Dura Séleucide // *New Studies on the Seleucids* / Ed. by E. Dąbrowa. Electrum. Vol. 18. Kraków, 2011. P. 23–40.
- Ma J.* Kings // *A Companion to the Hellenistic World* / Ed. by A. Erskine. Oxford, 2005. P. 186–191.
- Mehl A.* Gedanken zur «herrschenden Gesellschaft» und zu den Untertanen im Seleukidenreich // *Historia*. 2003. Ht. 2. S. 147–160.
- Muccioli F.* Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi // *New Studies on the Seleucids* / Ed. by E. Dąbrowa. Electrum. Vol. 18. Kraków, 2011. P. 81–96.

- Ramsey G.* Seleucid Administration –Effectiveness and Dysfunction Among Officials // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 37–50.
- Sherwin-White S.* Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa // JHS. 1991. P. 71–86.
- Sommer M.* Babylonien im Seleukidenreich: Indirekte Herreschaft und indigene Bevölkerung // Klio. 2000. 1. S. 73–90.
- Wright N.L.* The Last Days of a Seleucid City: Jebel Khalid on the Euphrates and its Temple // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 117–132.